JEL: O14, O50, R11, Z13

УДК 308+332+338+910

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>

Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность

А.И. Трейвиш

Трейвиш Андрей Ильич

доктор географических наук

главный научный сотрудник

Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Российская Федерация

E-mail: trene12@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6687-577X

Аннотация. Предпринята попытка анализа неравномерности и разнообразия вообще и для пространственного развития экономики в частности на уровне научных понятий и на примерах стран мира, России и ее регионов. Показано, что неравномерность и разнообразие в пространственной экономике представляют собой не вполне независимые, но все же разные явления и понятия. Разнообразие может включать в себя неравномерность как частный случай, но чаще ассоциируется с контрастами условно качественного характера, включая структурные. Неравномерность порождается неравенством и порождает его вновь и вновь на определенных стадиях. Вероятны и существуют реально, в том числе в России, разные сочетания двух пространственных явлений. Говоря упрощенно, неравномерность разнообразна, а разнообразие неравномерно. Выделены укрупненные структурные типы, динамика которых выявила направления сдвигов в территориально-отраслевой структуре ВРП (ВДС) и занятости внутри России. Главным из них стал сдвиг от преимущественно индустриальных структур к преимущественно сервисным, что не уникально, но осложнено рядом кризисных и других отклонений от тренда. Он не был вполне логичным: затронул и центр, и периферию, сопровождаясь упрощением и усложнением хозяйственных структур. В промышленности преобладавшая потеря отраслевого разнообразия и сложности региональных структур сочеталась с ростом концентрации производства, то есть его неравномерности, в разрезе регионов – субъектов РФ и с выравниванием в масштабе крупных частей страны за счет сдвига на восток. Показано, что в целом Россия не выпадает из общих трендов структурной трансформации экономики, типичных для больших стран мировой полупериферии; эти тренды пробивают себе путь вопреки всем конъюнктурным колебаниям и сбоям.

Ключевые слова: неравномерность, разнообразие, территориально-отраслевая структура экономики, сектор, пространственное развитие, сдвиг, регион, Россия

Благодарности. Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (№ 0148-2019-0008).

Для цитирования: Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 13–35. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>

Uneven and Structurally Diverse Spatial Development of Economy as a Scientific Problem and Russian Reality

A.I. Treyvish

Andrei Ilyich Treyvish

Doctor of Sciences (Geography)

Chief Research Fellow

Institute of Geography RAS, 29 Staromonetnyy Pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation

E-mail: trene12@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6687-577X

Abstract. The author attempted to analyze unevenness and diversity in general and specifically for spatial economic development, based on global, Russian, and regional examples. Unevenness and diversity in spatial economics could represent not fully independent, but nonetheless different phenomena and definitions. The diversity could include unevenness as a special case but is mostly associated with the contrasts of relatively qualitative nature, including structural contrasts. Unevenness is born from diversity and, in turn, generates more diversity. Different combinations of the two phenomena can and do exist, including in Russia. Plainly speaking, unevenness is diverse, and diversity is uneven. The article emphasizes major structural types, the dynamics of which determined the direction of the shifts in the territorial-sectoral structure of the GRP (GVA) and employment in Russia. The most significant of them was the shift from basically industrial structures to basically service ones, which is not unusual but is complicated by crisis and other deviations from the trend. It wasn't particularly logical: it affected the center, the periphery, was accompanied by simplification and complication of economic structures. The industrial sector is the great loser in sectoral diversity and complexity of regional structures, combined with the growing concentration of production, meaning its unevenness, among Russian regions and with the leveling in the context of large parts of the country thanks to the shift to the East. In general Russia isn't excluded from the general trend of structural transformation of the economy, typical for large countries of the global semi-periphery; these trends endure in spite of all fluctuations and failures.

Keywords: unevenness, diversity, territorial-sectoral structure of the economy, sector, spatial development, shift, region, Russia

Acknowledgements. The study was conducted as part of the scientific research for the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences 'Problems and prospects of the territorial development of Russia in the conditions of its unevenness and global instability' (No. 0148-2019-0008).

For citation: Treyvish A.I. Uneven and structurally diverse spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 13–35. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035> (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Неравномерности и разнообразию и даже их пространственным проявлениям посвящены горы литературы. Экскурс в историю и теорию анализа каждой из них грозит вылиться в целую книгу. Их давно изучали философы, экономисты, социологи, историки, географы и т. д., затрагивали все главные экономические течения Нового времени. Долго преобладавший в Европе меркантилизм предлагал государству всякие меры протекционизма для защиты рынка, уравнивания шансов национальных экономик, к чему при Петре I и нередко позже прибегала Россия. Физиократы и отчасти геодетерминисты XVIII в. настаивали, скорее, на разнообразии через «естественный порядок» первичной аграрной экономики. Подходы обеих школ учли и обогатили отцы английской политэкономии, видевшие источник всех благ в труде, его разделении, конкуренции и обмене на основе абсолютных (А. Смит) и сравнительных преимуществ (Д. Рикардо). От этих классиков «плясали» затем марксизм, маржинализм, кейнсианство, монетаризм, институционализм.

В списке учений и ученых, известных читателю с вузовской скамьи, смысла мало. Так или иначе они касались одной из ключевых и социально острых проблем экономики – богатства и бедности, неравного распределения благ и неравномерного развития. А попутно или в пику ей – проблемы унификации либо качественного многообразия путей, а значит и рецептов развития.

Сопряженному исследованию двух категорий статьи, кажется, везло меньше. Вряд ли капитальных трудов на эту тему вообще не было, но автору они незнакомы (или плохо искал). Поэтому он начинает с беглого анализа взаимных отношений двух явлений и понятий в своем понимании каждой и обеих вместе, с упором, по понятным причинам, на пространственное развитие экономики и общества.

Далее область поисков сужается до территориально-отраслевых структур. Сначала обсуждаются подходы к их изучению, специфика исходных данных, связанные с ними проблемы и ограничения. Затем задача конкретизируется: третья и последняя часть статьи посвящена сдвигам в хозяйственных структурах регионов всей, а более пристально – Европейской России, на базе известной трехсекторной схемы строения экономики. В конце полученный материал интерпретируется, согласно главной теме, в свете его отношения к вопросам структурного разнообразия и неравномерности развития экономики регионов страны, вариантов сочетания этих явлений на двух смежных пространственных уровнях.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ И РАЗНООБРАЗИЕ: РАЗЛИЧИЯ, СВЯЗИ, СОЧЕТАНИЯ

Переплетаясь в жизни, эти явления часто попадают под опеку разных способов познания. Поиски равномерности и неравномерности (равенства и неравенства) требуют точных мер, моделей, закономерностей, то есть универсального номотетического подхода в терминах баденской школы неокантианства. Изучению разнообразия ближе описание особенных единичных объектов в идиографическом ключе и понятие сложности. Одно, ставя всех «на одну доску», бывает слишком прямолинейным, чтобы вникать в вариации развития. Другому – они важны, но вплоть до отрицания всеобщих критериев и полного оправдания аутсайдеров развития их якобы неизбежной спецификой.

Впрочем, все названные различия лишь относительны. Анализ неравномерности не исключает качественных методов, без которых трудно понять корни явления. Анализ разнообразия не чужды измерения, группировки и обобщения. Контрасты уровней развития хотя бы по самой простой шкале сами есть вид разнообразия. И все же оно в широком смысле самоценно для гуманитария, как биоразнообразие – для натуралиста.

Другое дело, о неравномерности и разнообразии чего именно идет речь. Изучение первого легче вести в рамках экономической науки, чем второго, то и дело сползающего к социологии, культурной антропологии, политологии. Разнообразие крайне разнообразно, как бы тавтологично это ни звучало.

Возьмем дилемму равенство – эффективность американского экономиста А. Оукена (Okin, 1975): стремление к равенству чревато для общества потерей экономического эффекта. В отличие от него, равенство (равномерное распределение благ) имеет скорее социально-политический смысл, что и написано в начале книги (р. 5): «...наши институты говорят “найди работу или голодай”, “преуспевай или страдай”. Они поощряют выделение из ряда соседей экономически после призывов оставаться в нем социально». Хотя чаще всего неравенство измеряют монетарно (доходом, имуществом), это не отменяет его социальной природы. А. Оукен, автор сравнения социальной помощи с дырявым ведром, не был левым сторонником уравниловки и лозунга «отнять и поделить». Не потому ли, найдя обратную связь между социальным выравниванием и эффективностью экономики, он не увлекся поиском предельно допустимого уровня неравенства – вероятно, своего для разных обществ? Ясно также, что его дилемма имеет разномасштабные пространственные измерения, причем о допустимых коридорах здесь известно не больше.

Если их верхние границы задают не совсем или совсем не экономические

факторы, то нижние – связаны с утратой экономического эффекта и угасанием самого развития. Говорят даже, что развитие неотделимо от неравенства, порождая его и им же порождаясь или усиливаясь. Но это относится не ко всем стадиям инновационного процесса, который лежит в основе полноценного, «истинного» развития: широкая диффузия нововведения сглаживает контрасты – если тем временем не придет следующее и не усилит их вновь. Понятно, что все это тоже имеет отношение к развитию человеческой деятельности в геопространстве.

Пространство – еще и давний дезинтегратор людских сообществ. Расходясь по нему, применяясь к разным условиям, они когда-то теряли связи, общую память. Местные миры с их укладами живучи. Ф. Бродель (Бродель, 1994) и другие французские авторы видели их у себя даже к концу XX в., заявляя, что франций много и они такие пестрые, что каждая деревня, долина, край имеет свое лицо. Это сказано об эталоне европейского унитаризма и централизма, но, быть может, не об экономике? Нет, и о ней тоже. Тот же Ф. Бродель (Бродель, 2006) выделял три ее слоя. Верхний слой международных корпораций, банкирских и торговых домов действует через биржи, курсы валют и т. п. не так давно. Средний слой отраслевых и национальных рынков регулируют законы из учебников *economics*. Нижний слой натуральной, часто неформальной «инфраэкономики» некогда покрыл все обитаемые земли и местами различим до сих пор.

Значит ли это, что хозяйственное многообразие скрыто пластами универсальных верхних слоев? Конечно, глобализация (интеграция) унифицирует модели экономического развития, но они все же разные и успешны лишь при соответствии национальным, региональным и местным условиям. К тому же процесс не линеен, и сейчас налицо признаки его ослабления, обострения соперничества мировых центров, эксцессы типа Брекзита, оголаживание стран под антимиграционными лозунгами и т. п. с частичным возвратом от единой мир-экономики к историческим системам и мирам-империям по И. Валлерстайну (Wallerstein, 1979).

Неравномерность глобального развития отражают исторические смены его лидеров (*рис. 1*). Индустриальный скачок их ускорил: время потекло быстрее (зато на графике его шкала растягивается с приближением к современности). Картина уже совсем иная, чем в XX в. При некотором выравнивании уровней развития стран и регионов, расширении зон мирового ядра и особенно полупериферии, внутри- и межзональная конкуренция усилилась. Лидеры по массе производства и раньше могли не совпадать с инновационно-технологическими, а теперь – тем более. Разнообразие часто зависело и от того, менялся ли центр в пределах одного цивилизационного макрорегиона или нет.

Рис. 1. Динамика вклада мировых держав в их суммарный ВВП за 2000 лет, %

Fig. 1. Dynamics of world powers' contribution to the total GDP throughout 2000 years, %

Источник: Desjardins, 2017.

Глобальные пространственные процессы влияют на внутринациональные. Гонка за лидерами ради выравнивания с ними диктует мобилизацию экономического пространства претендента, у которого рост центров за счет периферии чреват ее оскудением. Страна как бы сжимается в кулаки, и даже неполная конвергенция ее центров с центрами лидеров оборачивается дивергенцией периферий (Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991). В России с ее обширной периферией это известно давно¹.

Пространство остается важным фактором политической, экономической и социокультурной дифференциации. Вряд ли его роль убывает, хотя есть иное мнение, навеянное представлением о «смерти» расстояний и с ним пространства, якобы убитых прогрессом коммуникаций. А вот сербско-американский специалист по доходам и глобализации Б. Миланович (Миланович, 2016) утверждает, что в XIX в. неравенство людей наполовину зависело от классовой принадлежности, а теперь на 85% – от среднего дохода в стране проживания. Бедняки богатых стран стали богаче своих условных собратьев из стран бедных, разрыв между ними вырос. Правда, за XX в. суверенных государств прибавилось в 4 раза (как и населения на Земле, поэтому средняя людность стран осталась на уровне 30 млн чел.), а это могло влиять на доходы, в том числе из-за разнообразия условий деятельности в более drobных политических ячейках.

¹ Так, поэт и один из первых российских фермеров А.А. Фет заявил в 1871 г., что привыкшие в столицах к движению капиталов не понимают, как целая необъятная местность месяцами сидит без копейки (Фет, 1871). Через полвека, в 1921 г., В.И. Ленин говорил о царящих на пространствах РСФСР патриархальщине, полудикости и самой настоящей дикости (Ленин, 1967, с. 228). Слова Фета сказаны будто вчера. Актуальность ленинского тезиса менее очевидна в отсутствие четких критериев дикости, но переход количества в качество никто не отменял.

Ячейки важны для оценки неравенства: чем они мельче, тем вариация обычно сильнее. Разрыв по душевому ВРП – ВДС у 8 федеральных округов России (Уральский – Северо-Кавказский) составил в 2017 г. 4,5 раза и с 2000 г. снизился, а у регионов-субъектов РФ, которых на порядок больше, он рос и достиг 55 раз. Это характерно для многих признаков пространственной неравномерности: найти различия проще, когда единицы наблюдения малы, чем среди крупных, где различия стираются. Агрегирование ведет к потере информации о контрастах пространства, что известно и географам, и статистикам (Openshaw, 1984; Громыко, 2005).

Судя по рисунку 2, неравенство заработных плат у регионов выражено сильнее, чем у крупных районов, и еще сильнее – на муниципальном уровне. Авторы, у которых заимствован график, опираясь на рассчитанный ими коэффициент генерализации, пишут, что спуск на муниципальный уровень влияет на меру неоднородности меньше, чем спуск от районов к регионам – ячейкам, оптимальным поэтому для ее замеров, но по графику так не скажешь. Кроме того, в локальном масштабе разнообразие деятельности, размеров и видов заработка виднее, например, по линии село – город (по одному из его определений, город вообще есть концентрат разнообразия).

Рис. 2. Распределение заработной платы работников организаций России на трех территориальных уровнях в 2013 г. (кривые Лоренца)

Fig. 2. Distribution of wages of Russian employees on three territorial levels in 2013 (Lorenz curves)

Источник: Шевчук, Кириллов, Петросян, 2019.

Итак, неравномерность и разнообразие пространственного развития экономики – не совсем автономные, но и не идентичные категории. Вторая, пожалуй, шире первой и может включать в себя неравномерность как част-

ный случай. Все же разнообразие чаще ассоциируется с различиями условно качественного характера: по той или иной структуре хозяйства, традиции его ведения, работе с ресурсами, целям и ценностям, ключевым проблемам, экономической культуре и т. д. Если же искать термин, объединяющий оба явления, то это, возможно, будет неоднородность. С другой стороны, есть основания для выделения таких сочетаний, как *неравномерность разнообразия* (где-то в пространстве оно встречается часто и густо, а где-то реже) и *разнообразие неравномерностей* (видовое, пространственное). Однако рассматривать их глубоко и всерьез автор статьи не готов.

Следующая, более конкретная часть статьи посвящена одному – структурно-отраслевому – аспекту разнообразия. Вообще-то связь роста экономики с ее разнообразием (диверсификацией) изучается давно, оснащена методами и моделями (сдвиг – доля и др.). Но здесь задача видится в ином: анализе долговременных структурно-отраслевых сдвигов, что диктует свои требования к материалу и уровню его агрегирования.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ: СПЕЦИФИКА, ДАННЫЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПРИЕМЫ АНАЛИЗА

Экономика полиструктурна, и структур тут, как минимум, три: институционально-организационная (на роль ее исторических макроблоков претендуют, скажем, способы производства), производственно-отраслевая с близкой технологической (хотя ее можно рассматривать отдельно) и пространственная (территориальная – с рядом допущений это синонимы). Они, разумеется, взаимосвязаны и дают такие сочетания, как территориально-организационная, территориально-отраслевая структура. Ниже внимание сосредоточено на последней, но вначале кратко остановимся на специфике «базовых» структур.

Все они сопряжены с чем-то вне экономики: отношениями в обществе, нормами права, управления, статистического учета, административно-территориальным делением. Отмечая это в статьях о структурах промышленности (что не меняет сути дела) словаря по социально-экономической географии, А.П. Горкин (Горкин, 2013) видит здесь одну из причин недостаточной объяснительной силы традиционных моделей региональной экономики.

За основные блоки отраслевой структуры хозяйства современная наука принимает 3–4 крупных сектора: *первичный аграрный, вторичный индустриальный и третичный сервисный*, из которого часто выделяют *четвертичный информационный*. Как и марксовы формации, они связаны с развитием. Господство первичного макросектора ассоциируется с присваивающей или аграрной экономикой, вторичного – с индустриальной, а уси-

ление третичного – с переходом к постиндустриальной экономике услуг и / или к экономике знаний на базе четвертичного сектора¹.

Состав секторов может варьировать. В первичный сектор всегда входят сельское, лесное хозяйство, рыболовство, охота и часто, но не всегда добыча полезных ископаемых. Это как бы нижний слой или фундамент здания экономики. Ядро вторичного сектора образует обрабатывающая промышленность, сравнимая со стенами. Третичный сектор – сфера обращения и услуг – своего рода крыша. Аналогия с домом, конечно, условна. Его несущие конструкции стабильны, а звенья экономики меняются и меняют свои места в ней по ходу развития. Строительство как отрасль (не метафора) находится между вторичным и третичным сектором и включается в состав то одного, то другого.

Пропорции секторов можно оценивать разными показателями: по числу занятых, стоимости имущества (основного капитала и т. п.), продукту в той или иной его форме. При свободе выбора предпочтительнее продукция – результат, а не ресурс хозяйственной деятельности. На практике выбор ограничен, особенно если для сравнений во времени и пространстве, в том числе между странами, нужны большие ряды данных. Эти сравнения легче вести по составу занятых (натуральный показатель, хотя и с ним есть проблемы).

Как раз по занятости автор этих строк обнаружил два пути, или сценария, сдвигов в макроструктуре хозяйства: европейский и американско-азиатский (Трејвиш, 2009, с. 40–42). На рисунке 3 они показаны для избранных стран. Разница состоит в порядке смены главных секторов. Промышленность лидировала на западе Европы, охватывая в Британии до 50% занятых с XIX в. и в первой половине XX. В России, во многих странах Восточной и Южной Европы период ее преобладания над иными занятиями был короче, но он был.

В США, Канаде, Латинской Америке, Японии и новых индустриальных странах его не было (насколько можно судить по более коротким рядам данных). Даже в Китае с его мощной индустриализацией, как у всех, кто шел этим путем, аграрная занятость сразу уступила третичной, а не промышленной, притом недавно (Majid, 2015, p. 11) (впрочем, цифры по КНР могут различаться). Переход к постиндустриальной занятости от аграрной, нарушая староевропейскую схему, делает спорным сам термин «постинду-

¹ Кстати – о научном приоритете. На Западе уверены, что трехсекторную схему ввели А. Фишер и К. Кларк (Fisher, 1939; Clark, 1940), хотя первым был Д.И. Менделеев (Менделеев, 1906, с. 65). По переписи населения 1897 г. он делил домохозяев на добывателей, берущих сырой материал в природе, промышленников, перерабатывающих это сырье, и лиц, дающих обществу нечто совсем иное, чем хлеб насущный. Это те самые сектора, только «первичным» и т. д. их называли через три десятка лет вышеупомянутые британцы.

стриальная». По сути, это структура постаграрная. Она стала преобладать в мире по мере быстрого роста производительности промышленного труда, избавлявшего вторичный сектор от массы рабочих. Эти массы направлялись в сферы торговли, транспорта, различных услуг, многие из которых до сих пор трудоемки.

Рис. 3. Европейский и Американско-Азиатский пути сдвигов в макроструктуре занятости:
1 – сельское и лесное хозяйство, 2 – промышленность, 3 – прочие отрасли (услуги)

Fig. 3. European and American-Asian paths of shifting in the employment macrostructure:
1 – agriculture and forestry, 2 – industry, 3 – other sectors (services)

Источник: составлено автором по международной статистике труда и литературным источникам.

Разная продуктивность меняет пропорции отраслей и секторов при их оценке по валовой, товарной, реализованной или чистой продукции. Как правило, она снижает долю аграрного сектора, где труженик создает меньшие стоимости, чем в экономике в среднем. По оценке МОТ (Employment..., 2018), агросектор в мире пока занимает больше людей, чем промышленный (даже с добавкой строительства) и сервисный, из-за стран с низким доходом, где аграриев в среднем 62–63%, а рабочих промышленного сектора – 11–12%. Только там, где доход выше среднего, соотношение меняется в пользу второго. Между тем в мировом ВВП аграрная продукция уступила

индустриальной в текущих ценах еще полвека назад, а теперь вторая больше первой в семь, а в развитых странах – в десятки раз (National..., 2018)¹.

С индустриальным и сервисным секторами сложнее. Первый приносит нефтяным странам, включая Россию, и активным на внешних рынках готовых изделий (Китай, Ирландия и др.) столько, что его вклад в ВВП заметно больше доли в занятости. С другой стороны, уровни производительности в ряде стран (США) подравнялись, и доля услуг в их продукте стала сопоставимой с долей занятых или ее превысила. Это имеет место и в развивающихся странах (Индии, Китае, Бразилии), но там все-таки скорее из-за резкого отставания села и сельского хозяйства от города и отраслей, чье развитие традиционно теснее связано с ним.

Общие направления и сценарии сдвигов в зеркале макроструктуры ВВП все равно те же самые. Исключений немного. Так, у Японии был период, когда индустриальный продукт преобладал над третичным, но это лишь военные 1940-е гг.; у Республики Корея в 2000-х гг. не отмечалось сокращения вклада промышленности, а вклад услуг рос в меру падения доли агропродукции (Ortiz-Ospina, Lippolis, 2017), и т. д. Общей картины такие случаи не меняли.

Важнее то, что вроде бы один и тот же сектор на самом деле может быть разным. Индустриальные экономики опираются на добычу сырья, выпуск полуфабрикатов или на отрасли, дающие товары конечного спроса. Так же важны различия в агрегированном третичном секторе, особенно между наукоемким информационно-техническим блоком (по сути четвертичным, сопоставимых данных по которому не хватает) и торгово-сервисным, рассчитанным на повседневный внутренний спрос либо на экспорт (туризм, часть услуг образования, здравоохранения, транспорта, логистики). Очевидно, что здесь разнообразие отраслевых структур переплетается с неравномерностью развития их пространственных носителей, то есть стран, регионов, мест.

Логика максимально возможного агрегирования структуры хозяйства мирится со значительными потерями разнообразия ради выявления самых существенных тенденций территориально-отраслевых сдвигов. Это в равной мере касается сдвигов между странами и межрегиональных – внутри стран. Правда, в последнем случае снимаются проблемы, связанные с валютами, их курсами, уровнями цен и т. п. (но не везде и лишь отчасти), а также с разными подходами национальных статистик к строению экономи-

¹ Независимо от продуктивности агросектор остается важнейшим функциональным элементом производства (Пуляркин, 2005, с. 388). Нужно учесть неравные условия обмена (ножницы цен), продовольственную роль сектора и его социальную роль. На земле беднота хотя бы сама себя кормит, а не наводняет города новыми пролетариями, безработными, преступниками.

ки, выделению ее отраслей и секторов. Зато возникают некоторые другие трудности.

Многие из них типовые: оценка объемов неформальной (теневой) сферы, влияние на масштабы сдвигов счета в текущих либо постоянных ценах того или иного года и др. Кроме них анализ состава экономики России в динамике осложняют изменения в системе учета. До 2003 г. в стране действовал Общесоюзный, а потом практически тот же самый Общероссийский классификатор отраслей народного хозяйства (ОКОНХ). В 2003–2004 гг. его сменил ОКВЭД (классификатор видов экономической деятельности), созданный по западным стандартам. Позже он корректировался, а в 2014–2017 гг. уступил место еще более детальному ОКВЭД 2. Между рубриками старых и новых классификаторов, как известно, нет соответствия, что разрывает ряды сопоставимых данных (если ретроспективные пересчеты не дает сам Росстат).

Другая проблема относится к масштабам пространственного агрегирования данных об отраслевой структуре экономики. В общедоступных базах данных по России она более или менее детально представлена на уровнях страны в целом и ее регионов – субъектов РФ. По муниципальным образованиям официальной статистики нет, а имеющиеся оценки – выборочные и приблизительные – весьма ненадежны. На статистику в региональном разрезе даже за последние десятилетия в той или иной мере влияли изменения административно-территориального состава страны.

Как уже говорилось, хозяйство с его структурой и географическим разнообразием напоминает здание, слоеный пирог или геологический разрез. Слои здесь соответствуют структурным подразделениям, возникавшим в разные времена и сохраняющим свои следы в пространстве страны, несмотря на постоянные изменения. Разные по мощности, эти слои вместе формируют поверхность экономического «рельефа», его поднятия и понижения. В таком виде он предстает на геостатистическом профиле (условном разрезе) отгруженной продукции, составленном не по 8 федеральным округам, а по 11 крупным экономическим районам России именно из-за их чуть большей дробности (рис. 4).

Главные поднятия образуют Центр с Северо-Западом в виде его отрога и срединная зона Волга – Урал – Западная Сибирь. Своей островеершинностью Центр больше всего обязан сервисным слоям, в том числе уникальной по нашим меркам четвертичной сфере в Московском регионе, хотя его самого на профиле нет. Еще одно поднятие намечается на Юге (Кавказ и Крым), причем аграрный слой едва различим даже там. На востоке, начиная с Поволжья, заметна добывающая индустрия, наиболее мощная в Западной Сибири, где выделяется и третичный слой, но четвертичный сильно уступает

пиковому уровню Центра. Обрабатывающие отрасли, нигде не доминируя и почти выклиниваясь в двух восточных районах, местами все равно играют рельефообразующую роль: это на их фундаменте (более важном там, чем аграрно-сырьевой) базируются старейшие и поныне высокие формы Центра и Урала.

Рис. 4. Геоэкономический профиль отгруженной продукции (товаров, работ, услуг) по крупным экономическим районам России в 2016 г., трлн руб.

Основные сектора по ОКВЭД: 1 – *первичный*: сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство; 2 – *вторичный*: 2а – добыча полезных ископаемых, 2б – обрабатывающие производства, 2в – производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство; 3 – *третичный*: базовые платные и социальные услуги; 4 – *четвертичный*: электронная связь, информационно-вычислительные, деловые и профессионально-культурные услуги, наука, высшее образование

Fig. 4. Geostatistical profile of shipped products (goods, labor, services) by large economic districts of Russia in 2016, trillion rubles

Main sectors according to the All-Russian Classifier of Economic Activities (ARCEA): 1 – *primary*: agriculture and forestry, hunting, fishery; 2 – *secondary*: 2a – mining and quarrying, 2b – manufacturing, 2v – generation and distribution of energy, gas, and water, construction; 3 – *tertiary*: basic paid and social services; 4 – *quaternary*: communication, information, computing, business and cultural professional services, science, higher education

Профиль отражает статичную картину. Для многих лет составить такой нельзя из-за иных группировок отраслей и т. д. Но показать сдвиги можно даже по разным ценам, методологии и хотя бы по трем основным секторам. В данном случае – для Европейской России, в рамке, заданной условиями выполнения автором предыдущей задачи в проекте Русского географического общества с использованием и обновлением давних опытов типологии макроструктур, их картирования (Территориальная..., 1995; Трейвиш, 2009).

ПОСТСОВЕТСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (ТРЕХСЕКТОРНАЯ МОДЕЛЬ)

В 1990 г. в статистике чистой продукции (О производстве..., 1991), согласно советским догмам, слабо отражалась нематериальная сфера. Ее можно усилить с помощью добавки из того же источника части дохода, использованного (затраченного) в науке, управлении и обслуживании населения. Несмотря на это, упрощенная структурная типология все равно отнесла более трети регионов к гипериндустриальным: вторичный сектор давал там более 50% учтенной продукции в текущих ценах (рис. 5). Столько же было индустриальных регионов. Аграрный (но уже не гипераграрный) и аграрно-индустриальный типы еще присутствовали, а вскоре исчезли, местами оставив в виде наследия заметно повышенную долю аграрного сектора, хотя по критериям, показанным на трехосевой схеме, на типы он практически не влиял. Пионером перехода к сервисной экономике на этом фоне стала Москва.

Данные для постсоветских лет берутся по системе национальных счетов, а состав секторов – по ОКОНХ и затем по ОКВЭД-1 (Российский... 1999–2018; Регионы..., 1999, 2001–2018). Основной фон создают индустриально-сервисные регионы, все еще немало индустриальных, а гипериндустриальных даже прибавилось в 2006 г., экономически наиболее благополучном в избранной серии дат с почти одинаковыми интервалами между ними. Одновременно росла численность представителей гиперсервисного типа. Они упрямо скользили с промышленной «горки» (какой она выглядит на трехосевой схеме) направо вниз, то есть к растущей доле услуг в валовом региональном продукте, чем отличались от многих соседей и от азиатской части России, где имела место недолгая, но заметная «реиндустриализация». Но сервисный тип, как уже говорилось, неоднороден. Наряду с крупными, ключевыми для страны регионами с развитой сервисной экономикой (прежде всего, это федеральные города) к нему относятся депрессивные и маломощные регионы, где преобладание услуг – просто зеркальное отражение слабости большинства других секторов.

Уступая регионам с ведущей ролью индустрии числом и площадью, сервисные опережают их по населению и ключевым экономическим показателям, догоня даже по продукции самой промышленности (табл.). Это говорит о ее постиндустриальности, то есть развитии в растущей и расширяющейся постиндустриальной среде. Промышленный потенциал раньше был распределен равномернее постиндустриального, особенно самой сложной и ответственной его части – четвертичной, потенциала экономики знаний. А теперь вторичный сектор локализован менее широко, чем третичный.

Рис. 5. Эволюция типов регионов по трехсекторной структуре валового продукта

Fig. 5. Evolution of regional types by three-sector structure of gross product

Соотношение регионов с выраженным вкладом промышленности либо услуг в их ВРП в 1998–2016 гг. по избранным показателям, % к итогу по Европейской России

Таблица

Table

Ratio of regions with significant share of industry or services in their GRP in 1998–2016 by selected indicators, % of the total for European Russia

Показатель	Тип регионов					
	индустриальные и гипериндустриальные			сервисные и гиперсервисные		
	1998	2006	2016	1998	2006	2016
Число регионов	41,4	35,6	31,1	10,3	11,9	21,3
Территория	43,1	44,9	42,1	4,0	4,9	8,3
Население	40,5	32,0	29,5	12,4	18,7	36,5
Промышленная продукция	55,3	42,7	40,3	8,9	18,6	35,4
Розничный товарооборот	28,9	27,5	27,1	37,3	32,3	45,3
Инвестиции в основной капитал	28,9	27,5	27,1	23,9	24,5	39,6

Источник: типология и расчеты автора.

Целые отрасли промышленности, добывающие и обрабатывающие, занимая не так много работников, производят большие стоимости. Это зависит от их технического оснащения, уровня концентрации производства и т. д. Новая техника проникает и в сферы менее продуктивные, но там порой сохраняется даже ручной труд. Поэтому структура экономики по числу занятых выглядит иначе.

Для уточнения ее основных черт и тенденций даты выбраны другие, и две из трех соответствуют годам переписей населения. Число занятых пополнено теми, кто трудился только в домашнем хозяйстве, производя продукты питания и т. п. для внутрисемейного потребления и сбыта. Они отнесены к первичному сектору (данных о других видах такой занятости мало). Соответствующие цифры есть на годы, смежные с переписными; отсюда «двойные» даты (рис. 6). В остальном это та же структурная типология, но вся картина отличается от предыдущей контрастами и динамизмом.

К концу советской эпохи гипериндустриальные регионы оказались в меньшинстве, аграрно-индустриальных – не осталось, а главный и весьма плотный массив составляли регионы индустриальные. Индустриально-сервисный тип в ту пору проявился в Москве, Ленинграде, на севере и западе, аграрно-сервисный и собственно аграрный – на юге. В начале 2000-х гг. пространственный масштаб этих типов часто расширялся именно за счет аграрного. Кризисную деиндустриализацию занятости в ходе первого рыночного десятилетия сопровождал отток промышленных кадров не только в торговлю и услуги, но зачастую просто на огороды, для самопрокорма. Тогда число полностью занятых им, по оценкам Росстата, достигло

Рис. 6. Эволюция типов регионов по трехсекторной структуре занятого населения

Fig. 6. Evolution of regional types by three-sector structure of employed population

8,5 млн чел., но позже сократилось в 1,5 раза и более (Экономическая..., 2002; Рабочая..., 2018). Их доля выше на периферии, где мало рабочих мест и «домашние аграрии» гораздо многочисленнее занятых в сельскохозяйственных организациях. Одновременно, как и по составу производства, обозначились регионы с преобладанием занятых в третичной сфере, в том числе гиперсервисная Москва.

Спустя 15 лет регионов сервисного типа прибавилось. Ими стали федеральные города и весь Московский регион (как и по структуре продукции). Отличие от нее состоит в исчезновении индустриального типа (останец – рудно-металлургическая Белгородчина) и в наличии массива аграрно-сервисных регионов на юге; в виде его выступов или выплесков они местами сохранились в Средней полосе, перемежаясь с представителями сервисного типа. Индустриально-сервисные структуры объединились в два макроареала. Один – между столицами, вокруг Москвы и к северо-востоку от нее, другой – на Урале и Средней Волге.

На графиках (рис. 7) показана динамика численности жителей для типов регионов, выделенных по двум структурным признакам и одинаковым критериям.

Рис. 7. Динамика населения регионов, отнесенных к разным типам структур валового продукта и занятости, % к итогу по Европейской России
Обозначения типов: И – индустриальный и гипериндустриальный, И-С – индустриально-сервисный, С – сервисный и гиперсервисный, А-С – аграрно-сервисный, А-И – аграрно-индустриальный, А – аграрный

Fig. 7. Dynamics of regional population by different types of structures of gross product and employment, % of the total for European Russia

Types: И – industrial and hyper-industrial, И-С – industrial-service, С – service and hyper-service, А-С – agriculture-service, А-И – agricultural-industrial, А – agricultural

Охват населения промышленными типами вначале был одинаковым и круто убывал, особенно в регионах-представителях типа по занятости. Переходный индустриально-сервисный тип в середине периода резко при-

бавил в типологии по продукции, затем сравнился с сервисным в обеих типологиях. Вместо него учет занятых в личных подсобных хозяйствах расширял примерно до середины 2000-х гг. аграрно-сервисный тип, но теперь он не лидирует и по занятости, идя вровень с индустриально-сервисным. Прочих типов уже нет либо они маргинальны.

Таким образом, в европейской части, как во всей России и во многих странах мира, постсоветская сервисная экономика росла и по занятости (несмотря на кризисный уклон к аграризации), и по ВРП. Этот сдвиг явно трендовый. Все колебания, подъемы и спады на него влияли, но не могли остановить и обратить вспять. Он затронул не только основные центры, где живет и работает все большая часть россиян, но и периферию.

Неравномерность пространственного развития носит здесь качественный характер опережающего постиндустриального движения ведущих центров. Вместе с тем оно же, пусть в ослабленной и вынужденной сжатием иных секторов-кормильцев форме, замечено на противоположном периферийном полюсе. А вот полупериферия часто консервативнее или стабильнее (трактовка зависит от априорной позиции наблюдателя): индустриальные и аграрные звенья хозяйственных структур там выражены лучше. Процесс идет не очень последовательно, нарушая привычную пространственную иерархию.

С разнообразием тоже все непросто. Если судить о нем по числу и мощи наличных типов, то их резкое сокращение можно расценить как утрату структурного «изобилия». И она имела место на рассматриваемой территории. Зато появились новые типы, сервисный и гиперсервисный, хотя приставка «гипер» говорит об упрощенной структуре экономики с одним доминирующим сектором. Смешанные (переходные) типы в этом смысле богаче. Впрочем, на рисунке 7 видно, что у объединенных типов с высокой, от 2/3, долей услуг населения меньше, чем ранее у промышленных (свыше 3/4 до распада СССР). Их доли и доли пары других секторов почти равны, только место индустриальных секторов по ВРП занял в составе работников аграрно-сервисный.

Макросекторная структура, безусловно, обедняет анализ, ведь каждый сектор по-своему разнороден. Напоследок бегло затронем хотя бы такую сложносоставную часть экономики, как промышленное производство. Неравномерность его роста за 1991–2016 гг., то есть восстановления до позднего советского уровня (по цепочкам индексов Росстата в основном в составе ОКВЭД-1 для 83 регионов без Крыма и Севастополя), очевидна. России не хватало 13%; однако 28 регионов превысили былой объем заметно, из них 11 – многократно, а в 30 случаях до него было далеко и в 10 – очень. У 35 регионов он почти был достигнут либо превзойден немного. Лидирующая группа давала 34% суммарного производства, средняя – 28%, отстающая – 38%. Там остались как малые или «слабые» регионы, так и значимые,

особенно для машиностроения: Москва и Санкт-Петербург, Тверская, Нижегородская, Челябинская области, Удмуртия, Алтайский и Приморский края.

Почти везде отраслевой состав индустрии стал другим. Типология европейских регионов России с упором на его «этажи» от сырья, энергии до готовых изделий показала, что все изменилось в 1990-х гг., когда преобладавшие ранее регионы с ключевой ролью финальных производств быстро уступали сырьевым и полусырьевым. Процесс запустила перестройка цен, доходов и с ними межотраслевых пропорций. Позже местами, как в Пермском крае при сжатии металлургии и лесного комплекса, в Ростовской области на фоне упадка угледобычи и в Белгородской с ростом пищевых производств, финальные звенья вновь окрепли. Но чаще они продолжали сдавать, и в целом картина не изменилась, свидетельствуя о сокращении отраслевого разнообразия и упрощении структур.

При этом росла территориальная концентрация промышленности. В 1990 г. пять регионов-лидеров всей России дали 25% ее продукции, а десять – 45–46% (в тогдашних ценах, составе и методологии счета). В 2018 г. эти доли (по ОКВЭД-2) достигли 39 и 53%. Самый крупный вклад внесли два столичных региона, увеличив его с менее чем 1/5 до 1/3¹. Зато все регионы, окружающие Московский, кроме Калужской области с ее новым автопромом, свой вклад снизили. Значит, при падении уровня разнообразия производства росла его пространственная неравномерность – по крайней мере, на уровне регионов – субъектов РФ.

О том же говорят другие авторы. Так, полученные методом структурных сдвигов оценки отраслевого вклада в прирост занятости, ВДС и продукции промышленности показали (Михеева, 2013), что чем ниже уровень диверсификации и, соответственно, выше уровень специализации, тем в общем случае выше темпы промышленного роста в регионе. И все же Н.Н. Михеева считает, что диверсификация экономики региона является стратегией стабильного роста. Сам уровень диверсификации российской экономики, по ее расчетам, устойчив и за 8 лет практически не изменился. Тенденции в регионах были разнонаправлены: у половины уровень увеличился, у другой он снизился. Но, быть может, период был коротковат. По Михеевой, почти десятилетний (теперь еще больший) период, включающий и годы интенсивного экономического роста, с точки зрения модернизации структуры производства и занятости оказался для большинства регионов потерянным. Отчасти это верно, но спонтанная эволюция производства и особенно занятости, как мы видели, продолжалась. К тому же уровень регионов – не единственный.

¹ Здесь и далее нужно учесть, что индустриальная мощь Москвы завышена статистикой, которая, например, приписывает столице около 10% российского объема добычи полезных ископаемых (в продукции самого города этот объем составляет вдвое большую долю).

В разрезе крупных частей страны в течение первого постсоветского десятилетия продолжался и даже ускорился из-за резкого «сырьевого крена» долговременный сдвиг индустрии на восток. Вклад Европейской России в национальную продукцию с 80–85% в 1970-х гг. упал в середине 1990-х ниже 70% (по ОКОНХ), в начале 2000-х — приподнялся до 72% и затем колебался вблизи 71% (в 2018 г. он составил 70,7% по ОКВЭД-2). На профилях (рис. 8) виден этот сдвиг с оседанием некогда сверхвысокого «пика» в Центре и параллельным подъемом сначала Урало-Поволжья, а затем Западной Сибири (последние годы складывались не очень удачно для таких индустриальных баз, как Волго-Вятская, Волжская, Уральская, Восточно-Сибирская).

Рис. 8. Изменение геостатистических профилей промышленного производства по крупным экономическим районам, % к итогу по России (без Крыма и Севастополя) в ценах и методологии соответствующих лет:

1 – Северный; 2 – Северо-Западный; 3 – Центральный; 4 – Центральнo-Черноземный; 5 – Северо-Кавказский; 6 – Волго-Вятский; 7 – Поволжский; 8 – Уральский; 9 – Западно-Сибирский; 10 – Восточно-Сибирский; 11 – Дальневосточный

Fig. 8. Changes of geostatistical profiles of industrial production by major economic region, % of the Russia's total (excluding Crimea and Sevastopol) in prices and by methodology of respective years

1 – North Economic Region; 2 – Northwest Economic Region; 3 – Central Economic Region; 4 – Central Black Earth Economic Region; 5 – North Caucasus Economic Region; 6 – Volga-Vyatka Economic Region; 7 – Volga Economic Region; 8 – Ural Economic Region; 9 – Western Siberia Economic Region; 10 – Eastern Siberia Economic Region; 11 – Far East Economic Region

Промышленному Центру везло больше, но все равно смену лидеров можно признать состоявшейся, если счесть одним из них огромную срединную зону между Волгой и Енисеем, которая дает около 48% промышленной продукции России. На старые центральные районы вместе с северо-западными приходится уже только 40%. Прочие были и остаются менее значимыми.

Этот масштабный во времени и пространстве процесс уже выравнивающий, хотя цена у него та же – снижение сложности и разнообразия индустрии. Оно, таким образом, может сочетаться с трендами как усиления, так и ослабления равномерности развития на разных пространственных уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самый поверхностный обзор приводит к выводу о том, что неравномерность и разнообразие в пространственной экономике представляют собой не вполне независимые, но все же разные явления и понятия. Второе может включать в себя первое как частный случай, но чаще ассоциируется с контрастами условно качественного характера, включая структурные. Неравномерность вечно порождается неравенством и порождает его вновь и вновь на определенных стадиях. Вероятны и существуют реально, в том числе в России, разные сочетания двух пространственных явлений. Говоря упрощенно, неравномерность разнообразна, а разнообразие неравномерно.

Экономика, как своего рода многоэтажное здание или слоеный пирог, включает в себя структуры, возникавшие в разное время и сохраняющие свои следы в пространстве на фоне постоянных изменений. Их анализ в России и ее европейской части на основе структурных типологий показал, что постсоветским трендом стало развитие сервисной экономики и особенно занятости в ней (вопреки кризисной аграризации), что совсем не уникально. Сдвиг затронул центры и периферию, тогда как полупериферия бывала более инерционной. Сдвиг происходил неравномерно, а в аспекте разнообразия сопровождался разнонаправленными движениями в сторону структурного упрощения или усложнения типов региональных экономик. С точки зрения общей логики иерархического строения российского пространства он не был последовательным. Утрата отраслевого разнообразия (сложности) наиболее очевидна в индустрии. Но тут она сочетается с разными трендами перераспределения масс производства: ростом его концентрации, а значит неравномерности, на уровне регионов РФ и с выравниванием в масштабе более крупных частей страны за счет сдвига на восток.

В целом, надо признать, что Россия не выпадает из общих трендов структурной трансформации экономики, типичных для больших стран мировой полупериферии. И что эти тренды пробивают себе путь вопреки всем конъюнктурным колебаниям и сбоям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2006. 592 с.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? В 2-х кн. Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
- Горкин А.П.* Территориально-организационная структура промышленности. Территориально-производственная структура промышленности страны // Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 256–257.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.
- Громыко Г.Л.* Теория статистики. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2005. 476 с.
- Ленин В.И.* О продовольственном налоге // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 43. С. 207–247.
- Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906. 161 с.
- Миланович Б.* Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 1. С. 14–26. <https://dx.doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-02>
- Михеева Н.Н.* Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032>
- О производстве и использовании национального дохода (чистой продукции) по Российской Федерации за 1990 год. М.: Госкомстат РФ, 1991. 33 с.
- Пуляркин В.А.* Локальные цивилизации во времени и пространстве. М.: Эслан, 2005. 536 с.
- Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 / Росстат. М., 2018. 42 с.
- Регионы России. М.: Госкомстат России, 1999. 861 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001–2018 / ФСГС. 2018. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: октябрь 2019).
- Российский статистический ежегодник. 1999–2018 / ФСГС. 2018. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: октябрь 2019).
- Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов / отв. ред. Г.А. Приваловская, С.А. Тархов. М.: Наука, 1995. 181 с.
- Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Фет А.А.* Из деревни // Заря. 1871. № 6. С. 3–86.
- Шевчук Е.И., Кириллов П.Л., Петросян А.Н.* Проблема генерализации данных в исследованиях пространственной неоднородности социально-экономических явлений на разных масштабных уровнях // Региональные исследования. 2019. № 3 (в печати).
- Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2002 / Госкомстат России. М., 2002. 190 с.
- Clark C.* The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. 504 p.
- Desjardins J.* 2,000 Years of Economic History in One Chart / Visual Capitalist. 2017. 8 September. URL: <https://www.visualcapitalist.com/2000-years-economic-history-one-chart/> (дата обращения: август 2018).
- Employment by Sector – ILO Modelled Estimates / Ilostat. 2018. November. URL: <https://www.ilo.org/ilostat/> (дата обращения: август 2018).

- Fisher A. Production, Primary, Secondary and Tertiary // *The Economic Record*. 1939. Vol. 15. No 1. Pp. 24–38.
- Majid N. The Great Employment Transformation in China / International Labour Office, Employment Policy Department, Employment and Labour Market Policies Branch. Working Paper. No. 195. Geneva: ILO, 2015. 63 p.
- National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA), Basic Data Selection (data for 1970–2017) / UNSTATS. 2018. URL: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic> (дата обращения: август 2018).
- Okun A.M. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1975. 124 p.
- Openshaw S. The Modifiable Areal Unit Problem // *Concepts and Techniques in Modern Geography*. No. 38. Norwich: Geobooks, 1984. 86 p.
- Ortiz-Ospina E., Lippolis N. Structural Transformation: How Did Today's Rich Countries Become 'Deindustrialized'? / *Our World in Data*. 2017. 26 May. URL: <https://ourworldindata.org/structural-transformation-and-deindustrialization-evidence-from-todays-rich-countries> (дата обращения: август 2018).
- Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge: University Press, 1979. 305 p.

REFERENCES

- About Production and Use of the National Income (Net Production) in the Russian Federation for 1990*. Moscow, 1991, 33 p. (In Russian).
- Braudel F. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. Vol. 1. The Structure of Everyday Life: The Limits of the Possible*. Moscow, 2006, 592 p. (In Russian).
- Braudel F. *The Identity of France. Vol. 1. History and Environment*. Moscow, 1994, 405 p. (In Russian).
- Clark C. *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan, 1940, 504 p.
- Desjardins J. *2,000 Years of Economic History in One Chart*. Visual Capitalist, 2017, 8 September. Available at: <https://www.visualcapitalist.com/2000-years-economic-history-one-chart/> (accessed August 2018).
- Economic Activity of the Russian Population (Based on the Results of Sample Surveys)*. 2002. Federal State Statistics Service. Moscow, 2002, 190 p. (In Russian).
- Employment by Sector – ILO Modelled Estimates*. Ilostat, 2018, November. Available at: <https://www.ilo.org/ilostat/> (accessed August 2018).
- Fet A.A. From a Village. *Zarya [Dawn]*, 1871, no. 6, pp. 3–86. (In Russian).
- Fisher A. Production, Primary, Secondary and Tertiary. *The Economic Record*, 1939, vol. 15, no 1, pp. 24–38.
- Gorkin A.P. Territorial and Organizational Structure of Industry. Territorial and Industrial Structure of the Country's Industry. *Socio-Economic Geography: A Thesaurus of Concepts and Terminology*. Smolensk, 2013, pp. 256–257. (In Russian).
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Centre and Periphery in Regional Development*. Moscow, 1991, 167 p. (In Russian).
- Gromyko G.L. *Theory of Statistics: A Textbook*. 2nd Ed. Moscow, 2005, 476 p. (In Russian).
- Labor Force, Employment and Unemployment in Russia (Based on the Results of Sample Labor Force Surveys)*. 2018. Rosstat. Moscow, 2018, 42 p. (In Russian).
- Lenin V.I. On the Food Tax. *Complete works*. 5th Ed. Moscow, 1967, vol. 43, pp. 207–247. (In Russian).
- Majid N. *The Great Employment Transformation in China*. International Labour Office, Employment Policy Department, Employment and Labour Market Policies Branch. Working Paper. No. 195, Geneva: ILO, 2015, 63 p.

- Mendelev D.I. *To the Knowledge of Russia*. Saint-Petersburg, 1906, 161 p. (In Russian).
- Mikheeva N.N. Structural Factors of Regional Dynamics: Measuring and Assessment. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2013, no. 1, pp. 11–32. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032> (In Russian).
- Milanovich B. Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants. *Ekonomicheskaya Politika = Economic Policy*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 14–26. <https://dx.doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-02> (In Russian).
- National Accounts – Analysis of Main Aggregates (AMA), Basic Data Selection (data for 1970–2017)*. UNSTATS, 2018. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic> (accessed August 2018).
- Okun A.M. *Equality and Efficiency: The Big Tradeoff*. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1975, 124 p.
- Openshaw S. The Modifiable Areal Unit Problem. *Concepts and Techniques in Modern Geography*, no. 38. Norwich: Geobooks, 1984, 86 p.
- Ortiz-Ospina E., Lippolis N. *Structural Transformation: How Did Today's Rich Countries Become 'Deindustrialized'?* Our World in Data, 2017, 26 May. Available at: <https://ourworldindata.org/structural-transformation-and-deindustrialization-evidence-from-todays-rich-countries> (accessed August 2018).
- Pulyarkin V.A. *Local Civilizations in Time and Space*. Moscow, 2005, 536 p. (In Russian).
- Regions of Russia*. Federal State Statistics Service. Moscow, 1999, 861 p. (In Russian).
- Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2001–2018*. Federal State Statistics Service. Available at: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (accessed October 2019) (In Russian).
- Russian Statistical Yearbook. 1999–2018*. Federal State Statistics Service. Moscow, 1999–2018. Available at: <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994> (accessed October 2019) (In Russian).
- Shevchuk E.I., Kirillov P.L., Petrosyan A.N. The Problem of Data Generalization in Studies of Spatial Heterogeneity of Socio-Economic Phenomena at Different Scale Levels. *Regionalnye Issledovaniya [Regional Researches]*, 2019, no. 3 (In Print). (In Russian).
- Territorial Structure of the Economy of the Old Developed Areas*. Edited by G.A. Privalovskaya, S.A. Tarkhov. Moscow, 1995, 181 p. (In Russian).
- Treivish A.I. *City, Region, Country and the World: Development of Russia Viewed by a Regional Geographer*. Moscow, 2009, 372 p. (In Russian).
- Wallerstein I. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge: University Press, 1979, 305 p.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.10.2019

Принята к публикации / Revised: 25.11.2019

Опубликована online / Published online: 25.12.2019